

**Опыт исследования неопределённых местоимений в идиоме с низкой
витальностью: михайловский говор людиковского наречия**

Филипп Анатольевич Тучак, *Российский государственный гуманитарный университет,*
tuchakphilipp@mail.ru

Григорий Олегович Сибилев, *Российский государственный гуманитарный
университет,* sibilevgrigory@gmail.com

Доклад посвящён системе неопределённых местоимений михайловского говора людиковского наречия карельского языка (далее “михайловский говор”) и основывается на данных, собранных в рамках экспедиций Института лингвистики РГГУ в с. Михайловское р. Карелия в июне 2023 и январе 2024 г. Полученные данные отражают нестандартную языковую ситуацию, сформированную под влиянием некоторых социолингвистических процессов. При проведении исследования учитывался социолингвистический портрет носителя. Помимо полевой работы были проанализированы данные, представленные в открытом корпусе карельских и вепских текстов “ВепКар”. Описание серий неопределённых местоимений проводилось на основе семантической карты, приведённой в [Haspelmath 1997].

Согласно данным [Родионова и др. 2017: 24], в с. Михайловское проживает 70 носителей михайловского говора. С учётом других поселений общее число владеющих михайловским говором, предположительно, составляет около 150 человек [МЯР: людиковский карельский]. Коммуникация между носителями сильно ограничена, некоторые из них используют в бытовом общении исключительно русский. Таким образом, в соответствии с классификацией статуса витальности языка [Коряков и др. 2022: 10], михайловский говор можно отнести к (2А) “прерванным” идиомам.

Полученные данные демонстрируют, что система михайловского говора сохраняет явления, характерные для данного ареала. Например, для михайловского говора характерно заимствование русского маркера *ни-* для контекстов прямого отрицания (данная черта, например, также характерна для вепского и собственно карельского идиомов [Alsenoy, van der Auwera 2015]):

(1) *hïo e-i tuo-dut ni-mi-da Anuksa-spiä*
3PL NEG-3 привезти-CNG.PST.PL NEG-ЧТО-PART Олонец-EL
‘Они ничего не привезли из Олонца.’

В контекстах референции к существующему объекту, как известному, так и неизвестному говорящему, носители могли использовать один из трёх маркеров *kojo-*, *-k* или *-taht*:

(2) а. *häin kojo-mii vuo-d el-ii Suome-s*
3SG INDEF-СКОЛЬКО ГОД-PART жить-PST Финляндия-IN
‘Он сколько-то лет жил в Финляндии.’

- b. *kena-k / ken-taht min-da küzü-i "Vii min-da",*
кто-INDEF / кто-INDEF 1SG-PART просить-PST взять.IMP 1SG-PART
- a ken – miä e-n mušta*
а кто 1SG NEG-1SG помнить.CNG
‘Кто-то меня попросил “Отвези меня”, а кто – я не помню.’

Если элемент *kojo-* представляет собой прямое заимствование из русской системы, то процесс деривации двух других маркеров менее однозначен. Так, мы не смогли найти ни одного упоминания маркера *-k* в корпусе или лингвистических работах, где бы он представлялся как INDEF-маркер. Маркер *-taht*, в свою очередь, представлен в работах косвенно или прямо описывающих системы неопределённых местоимений карельских и вепсских идиомов. Например, в [Гилоева 2003] утверждается, что данный маркер используется в ливвиковских и людиковских наречиях, а его значение можно перевести как *-нибудь* или *-угодно*; согласно [Karjalainen 2010; Alsenoy, van der Auwera 2015], данный элемент используется в вепском языке в контекстах свободного выбора. При этом в михайловском говоре *-taht* свободно используется во всех семантических зонах, выделяемых для неопределённых местоимений [Haspelmath 1997], за исключением контекстов прямого отрицания.

Помимо вышесказанного, в докладе будут представлены данные о дистрибуции иных INDEF-маркеров, использующихся в михайловском говоре, в том числе заимствованных из русской системы неопределённых местоимений, а также будет предложена гипотеза, способная объяснить происхождение маркера *-k* и причину полифункциональности *-taht* через процесс аттриции языковой системы михайловского говора.

Список глосс:

1, 2, 3 – лицо; CNG – коннегатив; EL – элатив; IMP – императив; IN – инессив; INDEF – маркер неопределенного местоимения; NEG – отрицание; PART – партитив; PL – множественное число; PST – прошедшее время; SG – единственное число

Библиография:

- Гилоева 2003 – Гилоева Н. М. *Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определяющие местоимения в диалектах карельского языка* : дис. – Петрозаводск : Дис. канд. филол. наук, 2003.
- Коряков и др. 2022 – Коряков Ю. Б., Давидюк Т. И., Харитонов В. С., Евстигнеева А. П., Сюрюн А. А. *Список языков России и статусы их витальности*. Монография-препринт. — Институт языкознания РАН, 2022. — 80 с.
- Людиковское наречие карельского языка // Интернет-ресурс «Малые языки России»: <https://minlang.iling-ran.ru>. (Дата обращения: 14.02.2024)

- Родионова и др. 2017 – Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В. *Людики: вопросы сохранения языка и культуры* // Исследования и материалы, Петрозаводск. – 2017.
- Haspelmath 1997 – Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. – Oxford University Press, 1997. – С. 380.
- Hienonen 2010 – Hienonen H. *The implicational semantic map for Veps indefinite pronouns* // *Linguistica Uralica*. – 2010. – Т. 46. – №. 4. – С. 281-292.
- Karjalainen 2019 – Karjalainen H. *Borrowing morphology: The influence of Russian on the Veps system of indefinite pronouns* // *Uralica Helsingiensia*. – 2019. – №. 14. – С. 55–87.
- Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар). 2009—2024. Доступен по адресу: dictorpus.krc.karelia.ru
- Alsenoy, van der Auwera 2015 – Van Alsenoy L., van der Auwera J. *Indefinite pronouns in Uralic languages* // *Negation in Uralic languages*. – 2015. – С. 519-546.